

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 6-го Мая 1912 года.

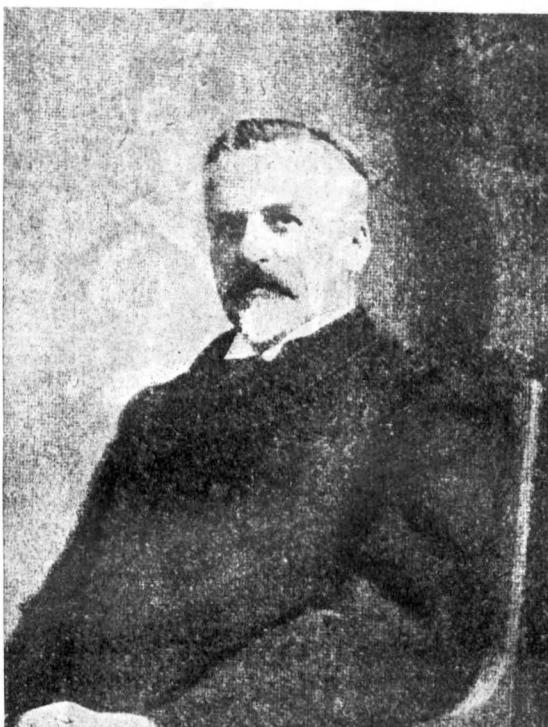
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10751.

СЮЖЕТЪ.

(Миниатюра).

Беллетристъ Астаховъ, къ фамилии которого журнальные обозрѣватели давно уже начали прибавлять слова „нашъ извѣстный“, въ раздумья ходилъ по кабинету, вздыхалъ и мучительно искалъ сюжетъ для рассказа.

Беллетристу была заказана небольшая вещица для одного изъ дамскихъ журналовъ на чувствительную тему—извѣстно, что дамы любятъ чувствительность. Но, какъ на трѣхъ, въ головѣ не было ни одного чувствительного сюжета. Были сюжеты пикантные, изъ тѣхъ, на которые Мопассанъ далъ десятки талантливыхъ разсказовъ, совершенно неумѣстные въ данномъ случаѣ; сюжеты изъ деревенской жизни, тоже не соотвѣтствовавшие задачѣ, были и другіе сюжеты, но чувствительного не было ни одного. При многописаніи, которымъ отличался Астаховъ, требовалась масса сюжетовъ, и всѣ ихъ Астаховъ успѣлъ издержать. Это заставляло его морщить лобъ, хмуриться, страдать. Уже въ отчаяніи, онъ хотѣлъ оста-

С. С. Манухинъ,
членъ Государ. Сов., бывш. министръ юстиціи.
Назначенъ для разслѣдованія событий на Лен-
скихъ пріискахъ.

упалъ на письмо, валявшееся на столѣ съ самаго утра.

Беллетристъ остановился, лѣниво потянулся къ себѣ письмо—онъ не ждалъ ничего интереснаго отъ маленькаго измыгзаннаго и захватаннаго въ дальнихъ странствіяхъ конверта,—распечаталъ и началъ читать.

Письмо пришло отъ Аллы.

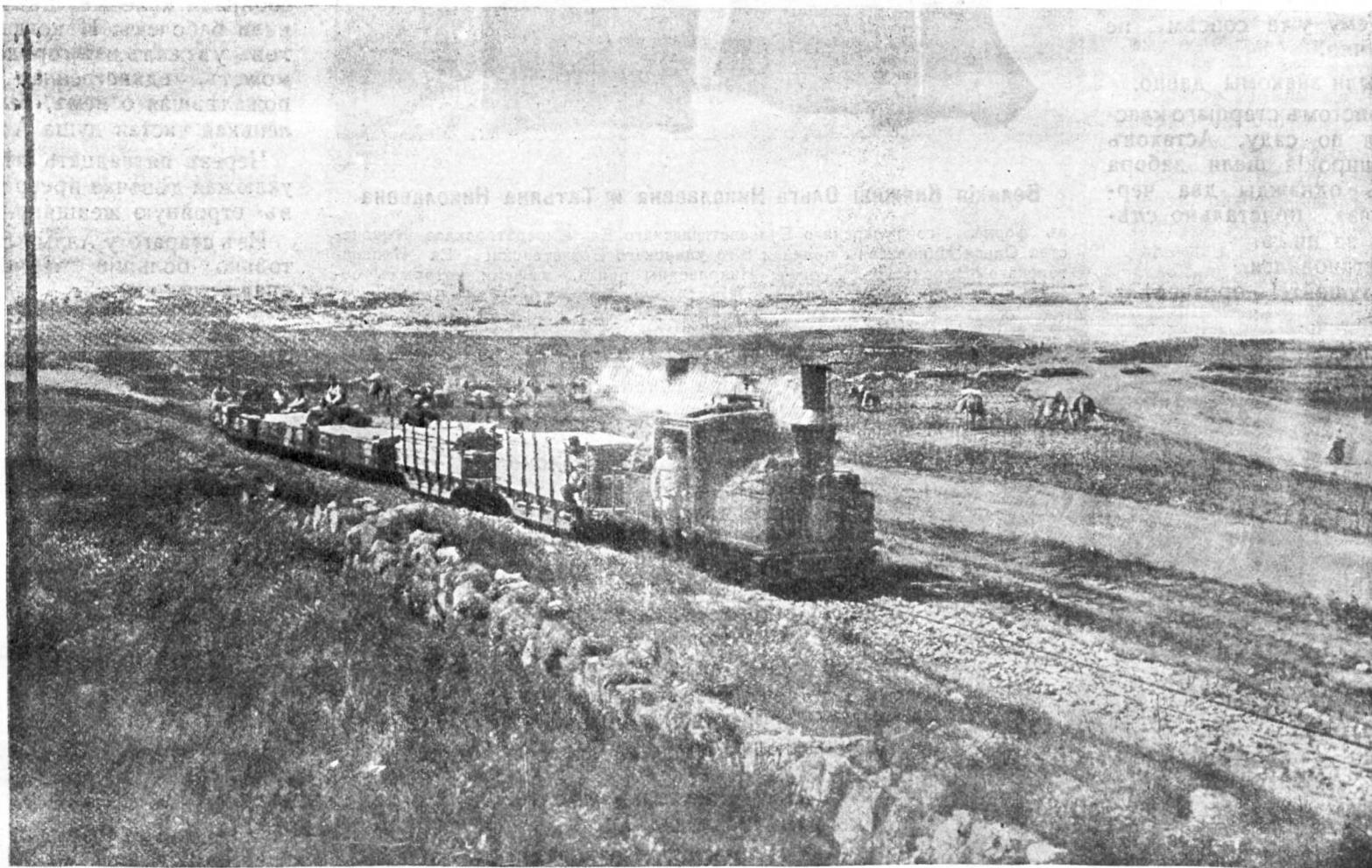
Въ письмѣ стояло:

„Дорогой мой, что же ты мнѣ не пишешь ни строчки? Я беременна. Мужъ меня выгналъ. А когда я пошла къ отцу, онъ сказалъ, что я опозорила его сѣдые волосы, и запретилъ показываться ему на глаза. Во всемъ свѣтѣ у меня только одинъ ты“.

Астаховъ бросилъ письмо и задумался.

Судьба шутить съ людьми иногда очень глупыя шутки.

Минувшей осенью онъѣздилъ на югъ, заѣзжалъ въ свой родной городъ, гдѣ родился и росъ до семнадцати лѣтъ, ребенкомъ купался въ рѣкѣ прямо съ песчанаго берега, а юношней удилъ рыбу, просиживая цѣлые ночи въ старой лодкѣ, скрипучей, будто стонавшей и жалѣвавшей землѣ и небу на горькую судьбу.

Первая желѣзная дорога въ Марокко.

новиться на младенцѣ, котораго несчастная мать подбрасываетъ старому черствому, какъ сухарь, скрягѣ,—младенцѣ, который смягчаетъ каменную душу и производить въ жизни старика полнѣйший переворотъ; уже онъ

хотѣлъ остановиться на немъ, хотя младенецъ этотъ, по крайней мѣрѣ, въ дюжинѣ разсказовъ смягчилъ сердца, по крайней мѣрѣ, дюжины старииковъ, и самъ былъ черствъ, какъ сухарь, но вдругъ взглядъ Астахова

Въ родномъ городѣ снѣ не было пятнадцать лѣтъ

Многое тамъ измѣнилось,

Знакомыхъ совсѣмъ не осталось ихъ и раньше, впрочемъ было не много.

Первые дни приходилось жить воспоминаниями, но не было скучно. Даже сиреневая юность, уйдя невозвратно, кажется розовой, сверкающей огнем, надеждами, счастьем. С умиленiem в душѣ, съ изъянностью, какъ о хорошенъкой непрятательной умершей любовницѣ, вспоминалъ Астаховъ объ ушедшихъ въ вечность дніяхъ. Онъ обѣгалъ окрестные лѣса, рощи, сходилъ къ тремъ озерамъ, напоминавшимъ большие пруды, —озерамъ, затерянныемъ верстахъ въ трехъ отъ города, среди старыхъ тополей, дубовъ, липъ и другихъ деревьевъ, съ берегами, поросшими густымъ кустарникомъ, сквозь который нужно было пробираться съ опасностью для платья, съ большими цветами кувшинокъ на покрытой зеленою водѣ. Онъ посѣтилъ старое кладбище съ покосившимися крестами и памятниками, на которыхъ счастливые наслѣдники писали ложь о неиспытанномъ ими горѣ и счастливые вдовы говорили о радостной встрѣчѣ за могилой съ „ангеломъ-хранителемъ“ ихъ жизни, которого грызли съ первого дня свадьбы и памяти которого не были вѣрны и шести недѣль.

На кладбищѣ Астаховъ встрѣтилъ Аллу, и послѣ этой встрѣчи ему уже совсѣмъ не было скучно.

Они были знакомы давно.

Гимназистомъ старшаго класса, бродя по саду, Астаховъ сквозь широкія щели забора замѣтилъ однажды два черныхъ глаза, пристально слѣдившихъ за нимъ.

Онъ остановился.
— Послушайте! — прозвенѣлъ

Великія Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна
въ формѣ 2-го гусарскаго Елизаветградскаго Ея Императорскаго Высочества Ольги Николаевны полка и 8-го уланскаго Вознесенскаго Ея Императорскаго Высочества Татьяны Николаевны полка, —шевами которыхъ стоять Ихъ Высочества.

изъ за забора тоненькой женской голосъ.

— Слушаю.

— Это вы сорвали яблоко въ нашемъ саду?

— Какое яблоко?

— Самое румяное. На нижней вѣткѣ яблони близъ забора висѣли три яблока. И теперь одного нѣтъ. Пропало самое большое и самое румяное.

Астаховъ разсмѣялся и сказалъ, пристально смотря въ черные глаза:

— Я.

— Это гадко такъ дѣлать.

Кто вамъ позволилъ?

— Мнѣ никто не позволилъ: я самъ. Я люблю послѣ обѣда съѣсть хорошее яблоко. На десертъ.

— Вы не смѣете... Слышиште: вы не смѣете такъ дѣлать!

— Кто же мнѣ запретить? Любитъ! Завтра я сорву ваше второе румяное яблоко, а послѣ завтра — третью. И кромѣ того, съѣмъ всѣ ваши пер-

сики. Персики замѣчательно освѣжаютъ.

— Это подло. Вы не сдѣлаете этого!

— А вотъ увидите.

— Я скажу Тихону, онъ будетъ стеречь, пойметъ васъ и надереть вамъ уши.

— Пфа... Боюсь я вашего Тихона! Это вы боитесь его, а я отрѣжу ему голову перочиннымъ ножемъ. Вы еще не знаете, какой у меня острый ножъ!

Черные глазки посмотрѣли недовѣрчиво.

— Развѣ вы справитесь съ Тихономъ?

— Справлюсь.

— Пусть. Но если вы отрѣжите Тихону голову, васъ сошлютъ въ Сибирь.

— А я уѣду изъ Сибири и оборву сразу всѣ ваши яблоки.

Черные глазки замигали, какъ будто хотѣли заплакать.

— Какой вы гадки! крикнула дѣвочка, и какъ я васъ не люблю.

Астаховъ покачалъ головой.

— Перестаньте, сказалъ онъ. Вы, кажется, готовы плакать! Я не бралъ вашего яблока. Я только дразнилъ васъ.

— Честное слово, не брали?

— Ну, конечно.

Они разговорились и стали дружами.

Въсѣ гуляли за городомъ, собирали полевые цветы, ловили бабочекъ. И когда Астаховъ уѣжалъ изъ города, быть можетъ, единственная душа, пожалѣвшая о немъ, была маленькая чистая душа Аллы.

Черезъ пятьнадцать лѣтъ неуклюжая дѣвочка превратилась въ стройную женщину.

Изъ стараго у Аллы остались только большие черные, по-прежнему — живые, глаза да

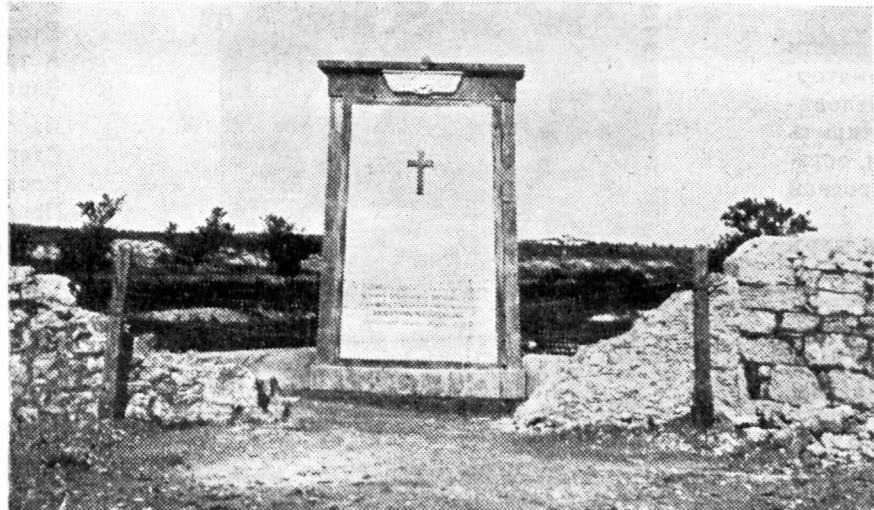

П. Н. Дурново,

членъ Государственного Совета.
(По поводу 50-лѣтия его государственной службы).

милая улыбка, застѣнчивая и робкая, шедшая къ дѣвочки и дѣлавшая женщины на первый взглядъ немножко смѣшной, — особенно при томъ огнѣ, которымъ сверкали ея глазки, и очень симпатичной. Дѣвочка была влюблена въ Астахова въ старые годы, какъ призналась въ минуту откровенности, а теперь была замужемъ за старымъ и лысенькимъ статскимъ совѣтникомъ, уѣхавшимъ въ командировку.

Совѣтникъ былъ сухъ и холоденъ, ревновалъ Аллу, и она не любила его. А Астаховъ былъ красивъ и молодъ, и старая любовь разгорѣлась, какъ разгорается полупутухшій костеръ, когда глаза Астахова заволакивала сѣрою дымкой, онъ встрихивалъ головой, бормоталъ: „Ахъ, Алла, Алла!“ и вновь принимался за работу.

Памятникъ братьямъ Матвеевичъ-Мацѣевичъ,

открытый въ Севастополь 18-го апрѣля, въ годовщину ихъ гибели.

Такъ писать и терзался, терзался и писать онъ.

Не одѣ женщины рождаются чадъ своихъ въ мукахъ...

А. Грузинский.

Н. С. Худаковъ,

редакторъ „Петербургской Газеты“.† 27-го апрѣля.

СМѢСЬ.

Вильгельмъ I и скрипачъ.

Императоръ Вильгельмъ II, очевидно, унаслѣдовалъ любовь къ музыке и театру отъ своего дѣла.

Маститый скрипачъ В. В. Безекирский вспоминаетъ, какъ ему въ Остенде пришлось играть въ присутствіи дѣда нынѣшняго германскаго Императора Вильгельма I.

— Въ то время, когда я исполнялъ первую часть концерта, рассказываетъ г. Безекирский, въ залѣ вошелъ Вильгельмъ I. Чтобы не помѣшать никому слушать меня, онъ остановился у дверей, и только когда я закончилъ первую часть, прошелъ къ своему мѣсту въ креслахъ, взявъ предварительно билетъ въ кассѣ.

Въ антрактахъ Императоръ зашелъ въ комнату г. Безекирского и, сказавъ ему нѣсколько любезностей по поводу его игры, спросилъ, где онъ получилъ музыкальное образованіе.

Услышавъ, что „въ Москвѣ“, Императоръ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Неужели у васъ дѣйствительно такие хорошие профессора?

Прощаясь съ русскимъ скрипачемъ, Вильгельмъ I посовѣтовалъ ему прѣѣхать въ Берлинъ, где очень любятъ музыку.

Психологія министра.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что очень пріятно находиться у власти, —такъ начальство бѣсѣду съ газетными сотрудниками одинъ изъ членовъ кабинета Кайо, нынѣ отдыхающій отъ тяжкихъ трудовъ правленія. На основаніи личного опыта могу васъ завѣрить, что трудно устоять противъ неотразимаго обаянія магической формулы: „я — министръ“.

Его Императорское Высочество Князь
Георгий Максимилианович Романовский
герцогъ Лейтенбергскій
† 20 апрѣля.

Генералъ-офицеръ
А. А. Поливановъ,
бывшій пом. военнаго министра.

Д-р Владислав Лукашъ

новый венгерский министръ прези-
дентъ.

Крѣпкое пиво власти кружитъ даже очень трезвяя головы. Министерскіе курьеры, согбенные въ почтительныхъ поклонахъ, всеобщее благожелательство, опережающее твои желанія, тайная зависть товарищев и друзей, министерскій экипажъ съ кучеромъ съ трехцвѣтной лентой на шляпѣ, героические звуки марсельезы при каждомъ болѣе или менѣе торжественномъ слушаѣ и, наконецъ, блаженное сознаніе того, что своей подписью можно осчастливить сотни людей—вотъ какія ощущенія переживаетъ человѣкъ въ первый мѣсяцъ своего сидѣнія въ министерскомъ креслѣ.

Второй фазисъ пребыванія у власти характеризуется подъемомъ реформаторскихъ стремленій и порывовъ. Человѣка разбираетъ страшная охота „открыть новую эру“, увѣковѣчить свое имя, оставить прочный спѣдъ въ исторіи родной страны.

Но служебный опытъ понижаетъ жаръ реформаторской горячки. Какъ ни страстно хочется декретировать нормы всеобщаго счастья и начать новый блистательный періодъ отечественной исторіи, однако, всѣ эти прекрасныя намѣренія безсильны выдержать огненную пробу дѣйствительности. Мелкія и крупныя служебныя огорченія, тяжелое бремя отвѣтственности и жуткое обаяніе страха возможныхъ послѣдствій смѣлыхъ реформъ—и вчерашній идеологъ власти, чертившій себѣ колоссальные планы, становится холоднымъ практикомъ, ясно созерцающимъ грустную изнанку вещей, съ подозрительно настороженнымъ слухомъ и глубоко затаеннымъ недовѣріемъ къ людямъ. На него находитъ сильное искушение—оставить министерское кресло и удаститься на покой. Единственно, что удерживаетъ разочарованшагося министра отъ безповоротного шага, это—сознаніе того, что на его мѣсто сядеть кто-нибудь другой, и все пойдетъ по задѣненному порядку.

Министръ остается на своемъ посту.., Онъ уже не считаетъ себя великимъ человѣкомъ, призваннымъ къ историческому дѣламъ, но обыкновеннымъ чиновникомъ, правда, надѣленнымъ очень обширными полномочіями, но по существу, мало отличнымъ отъ какой-нибудь жал-

кой, министерской пѣшкѣ, если не принять во вниманіе ежечасно и ежеминутно грозящей ему опасности быть выброшеннымъ изъ прекраснаго эдема власти.

Стихотворная шутка.

Недавно одинъ изъ поэтовъ старой школы, въ насмѣшку надѣй искаженіемъ мысли и образа въ угоду риѣмъ, набросалъ весьма поучительный образецъ такого ремесленного вздора, съ такими риѣматическими фокусами, при видѣ которыхъ всѣ „виртуозы, по его словамъ, должны лопнуть отъ зависти“.

Вотъ эта шутка:

Не будь лѣнивымъ идиотомъ
Работать въ докѣ иди, о, Томъ!
Что потеряешь нынче поботомъ,
Вернешь монетами потомъ.
Такъ говоря, супруга сѣла
На травкѣ, на краю селѣ.
Куда она веселость дѣла?
Заѣли трудныя дѣла.
А Томъ ея былъ преданъ спирту,
Весь плавалъ, какъ консервъ, въ
спирту;
Онъ не служилъ Гимена мири.

А. Н. Будищевъ,

(По поводу 25-лѣтія литературной
дѣятельности).

Весь міръ предо мной преклонится“...
Восхлинулъ одинъ изъ нихъ съ
жаромъ.

„А я накоплю много денегъ,
Открою торговсce дѣло,
Пошлю корабли свои въ Лондонъ“...
Мечтаетъ второй изъ нихъ смѣло.

„А я... началъ третій товарищъ,
Но тутъ же смущено запнулся—
Я, право, не знаю, кѣмъ буду“...
Безпечно сказалъ, улыбнулся,
Взглянулъ на глубокое небо,
Гдѣ облачко ярко искрилось...,
И звонко, чисто пѣснью
Окрестность и даль огласилась.

А фея, волшебница фея,
Подслушавъ дѣтишекъ стремленья,
Взмахнувъ чудодѣйственнымъ жезломъ,
Ихъ всѣ привела въ исполненіе.

И сдѣлался первый—министромъ,
Второй—дѣловымъ коммерсантомъ,
А третій... мечтателемъ чуткимъ...
Владѣлъ онъ особымъ талантомъ:

Въ то время, какъ первые оба
Старѣли, отъ дѣлъ уставая,
Бродилъ онъ по бѣлому свѣту,
Прекрасная пѣсни слагая.

Извѣдалъ онъ радость людскую
И горе, и муки, и голодъ...
Извѣдалъ онъ лѣтнее солнце
И зимній мучительный холодъ.

И все это вылиль свободно
Онъ въ пѣсняхъ своихъ безыскусныхъ,
И каждый, кто слушалъ ихъ, понялъ,
Что жизнь сама въ звукахъ тѣхъ
грустныхъ.

Но время все шло незамѣтно,
И жизнь свое дѣло свершила:
Предъ каждымъ товарищемъ дѣтства
Открылась сырья могила.

Скончался министръ знаменитый—
Съ почетомъ его хоронили
И памятникъ бѣлый массивный
Надъ прахомъ его водрузили.

Не менѣе пышно отдали
Послѣднюю дань коммерсанту,
Не мало рѣчей посвятили
Его дѣловому таланту.

Лишь тѣло пѣвца подъ заборомъ
Случайно крестьяне открыли
И, въ страхѣ навлечь подозрѣніе,
За кладбищемъ гдѣ то зарыли..

Лидія Гондель.

А. В. Бурышкинъ,

известный московский коммерсантъ.
† 19 апрѣля.

Не помогалъ руками рту
Увы! Средь пьяного содома
Спустилъ онъ земли и дома,
Все отдалъ для бутылокъ ро ма,
И опустѣли закрома..
Да будетъ этотъ Томъ урокомъ
Для мудрыхъ тѣхъ натуръ, о комъ
Сложилъ исторію я съ докомъ
И для кого въ мгновеніе ока
— Въ созвучьяхъ смѣлыхъ, въ риѣ-
махъ дока—
Я сталъ Пегаса съ докомъ.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ.

Въ лѣсу на зеленой лужайкѣ
Три мальчика рядомъ лежали—
Игрой, бѣготней утомившись,
О будущей жизни мечтали.“

„Я буду министромъ-премьеромъ,
И жизнь проведу я не даромъ—

